

«Өз үйім — өлең төсегім»: Ауылдық көші-қон және Солтүстік Қазақстандағы үйге деген көзқарас

Александр Вилейкис¹, Анель Молдахметова², Александр Утму³

Аннотация: Зерттеу Қазақстан Республикасындағы ауылдық жерлердің әлеуметтік және инфрақұрылымдық ерекшеліктеріне арналған және Ақмола облысының Бұланды ауданындағы Вознесенка мен Капитоновка ауылдарында жиналған этнографиялық сұхбат материалдарына негізделген. Құжат екі бөлімнен тұрады: біріншісінде Вознесенка мен Капитоновка ауылдарының тұрғындарының проблемалары егжей-тегжейлі талданады, екіншісінде бұл мәліметтер бүкіл елге ортақ тенденциялармен салыстырылады. Зерттеудің назарында — ауылдағы әлеуметтік капиталды жинақтау және бөлу әдістері. Авторлар әлеуметтік капитал сипатының өзгеруі ауыл тұрғындары үшін маңызды мәселелердің бірі болып табылады деген қорытындыға келеді.

Тірек сөздер: *Солтүстік Қазақстан, ауылдық жер, үй ұғымы, әлеуметтік капитал, далалық этнография, қала-ауыл желісі бойынша бөліну, көші-қон*

¹ SEI AlmaU Университетінің профессоры, ORCID: 0000-0002-0003-8071

² “Азаматтық Кеңістік” Қоғамдық Фондтың директоры,

³ Самиздат Дискурс, коммуникациялық менеджер

“No Place like home”: Rural-Urban Migration and Relations in Northern Kazakhstan

Aleksandr Vilejskis¹, Anel Moldakhmetova², Aleksandr Uttu³

Abstract: The research focuses on the social and infrastructural features of rural areas in the North of the Republic of Kazakhstan and is based on ethnographic interviews conducted in the the villages of Kapitonovka and Voznesenka of the Akmola Region. The document consists of two parts: the first part analyzes the problems of the inhabitants of both villages in detail and the second compares the analysis to the general trends in the country’s rural territories. The study is mainly focused on the social capital accumulation and distribution strategies in rural communities. Authors conclude that changes of social capital distribution have become one of the main issues for the villagers and their wellbeing. The result of the study illustrates the development of sustainable and unsustainable connections in rural settlements and how disposition of these connections and changes in socio-economic background will affect the migration to cities either on rotation shift or constant basis.

Key words: *Northern Kazakhstan, rural areas, the concept of home, social capital, field ethnography, rural-urban divide, migration*

¹ professor SEI AlmaU, ORCID: 0000-0002-0003-8071

² Director of the Public Fund «Citizen Space»

³ Communication Manager at Samizdat Diskurs

«Дома лучше»: Сельская миграция и отношение к дому в Северном Казахстане

Александр Вилейкис¹, Анель Молдахметова², Александр Утту³

Аннотация: Исследование посвящено социальным и инфраструктурным особенностям сельской местности в Республике Казахстан и основано на материале этнографических интервью, собранных в селах Вознесенка и Капитоновка в Акмолинской области на севере Казахстана. Документ состоит из двух частей: в первой детально анализируются проблемы жителей сел Вознесенка и Капитоновка, во второй эти данные сопоставляются с общими для всей страны тенденциями. В фокусе исследования способы накопления и распределения социального капитала в селе. Авторы приходят к выводу, что изменения характера социального капитала является одной из ключевых проблем для жителей сельской местности. В результате исследование показывает как образуются устойчивые и неустойчивые связи в селах и как характер этих связей и изменения в социальном экономическом укладе будут влиять на миграцию из села в город на постоянное место жительства или вахтовым методом.

Ключевые слова: *Северный Казахстан, сельская местность, понятие дома, социальный капитал, полевая этнография, разделение по линии город-деревня, миграция*

¹ профессор SEI AlmaU, ORCID: 0000-0002-0003-8071

² Директор ОФ Cityzen Space

³ менеджер по коммуникациям в Самиздат Дискурс

Введение

Внутренняя миграция из аулов и сел Казахстана в крупнейшие города происходит растёт уже много лет — сальдо внутренней миграции в Алматы выросло за 12 лет с 2011 до 2023 года почти в 1,6 раз: с 22,5 тысяч (2011) до 36,9 тысяч (2023) (*Махмутова, 2013; Qazstat, 2024*). Однако это лишь общие статистические цифры. Исследователи отмечают, что люди, переезжающие из сел, часто не имеют возможности прописаться в городе и тогда их переезд остается неучтенным — адресом постоянной прописки остается село. Кроме того, существует и маятниковая миграция из окрестных сельских округов в города — в Алматы по данным официальной статистики приток машин составляет около 300 тысяч транспортных средств в сутки. Миграция из сел в город, как внутренняя с положительным сальдо, так и маятниковая, с одной стороны, является характерным признаком усиленной урбанизации, а с другой, составляет значительную проблему городского развития. Она создает непрогнозируемую нагрузку на городскую инфраструктуру, ослабляет сельские связи и делает более неустойчивым городское развитие.

Несмотря на эти проблемы в мировой практике нет устоявшихся методов управления миграционными потоками. Проблема регулирования мобильности, особенно внутристрановой, стала особенно очевидна в период пандемии COVID-19, когда предписания по мобильности или не-мобильности внутри определенных границ, чтобы заставить жителей следовать им, действовали только в условиях строжайшего полицейского контроля, независимо от политического режима страны или экономического благополучия населения (*Chan, 2020; Sturm et al., 2021*). Таким образом, можно утверждать, что прямые формы регулирования не работают так, как положено, и все время подвергаются оспариванию и поломкам. В то же время, гораздо сильнее проявляется устойчивость или подвижность социальных норм, институтов и ценностей, которые ставятся под вопрос при перемещении из села в город.

В этом аспекте существенно, что исследования миграции, как правило, сосредоточены на вопросах мобильности, но в гораздо меньшей степени затрагивают вопрос о том, чем маркируется переезд. Перспектива исследований «дома» и «домашности» в исследованиях мобиль-

ности и миграции противостоит сложившейся традиции рассмотрения «*номадизма*», особенно в его современной версии, как *принципиального отсутствия дома*, которое является общим для всех, своего рода тотальной бездомности (Ahmed 1999). Этот подход критикуется с точки зрения феноменологии и из перспективы управленческих практик: отсутствие дома также означает и отсутствие гражданственности, с точки зрения европейской теории права (Brickell, 2011). Проблема дома и домашности в исследованиях мобильности и миграций ставит более радикально вопрос о том, что является точкой остановки или завершения движения, каким образом она фиксируется и как она связана с изменениями характера передвижений и мобильности.

Что такое Дом

В рамках проведенного исследования мы обратились к *проблеме Дома* как способу поговорить о мобильности и миграции и тех отношениях, которые выстраиваются между сельскими населенными пунктами и городами. Для Казахстана разговор о номадизме, кочевничестве и мобильности является важным элементом обсуждений идентичности и возможностей ее деколонизального представления (Bissenova, 2017). Тем не менее, концепция дома играет важную роль в разговоре о номадизме, даже если она не получает той характеристики устойчивости и неподвижности, которая характерна европейским культурам, и оказывается больше связана с идеей жилища и стиля жизни. Таким образом, анализ проблем дома и домашности смещает акценты в анализе миграции с обсуждения причин и методов передвижения к тому, что остается устойчивым и объединяет разные точки движения, то есть стилю жизни.

В ходе нашего исследования мы пытались понять, как люди решают, что для них является домом и где он находится. Мы не могли получить однозначного ответа ни в селах, ни в городе: каждый собеседник опирался на собственные приоритеты. Нам давали разные ответы: «*Все мои родственники тоже в основном в Сайраме, так что я считаю, что Сайрам это мой родной дом. И там безопасно*» (Мужчина, Казахстан, город, 18 лет), «*Там, где я себя комфортно, уютно чувствую. Наверно, это и есть дом*» (Мужчина, город, 30 лет), «*Там, где ты спишь. Потому что... своя кровать. Где твоя кровать*» (Мужчина, город, 20 лет), «*[Это] ... люди, которые тебя воспитали, вырастили, дали образование*» (Мужчина, город, 30 лет), «*Дом — это наше маленькое государство, родина*» (Женщина, город, 50 лет). Мы побывали лишь в четырех местах — двух городах и двух селах — но в

действительности дома наших собеседников были разбросаны по всему Казахстану и за его пределами.

Одни тосковали по родственникам за границей, другие по местам своей юности, третьи по исторической родине предков. Мы встречали людей вдали от дома, от которого их отделяли километры, годы или мечты — часто уже несбыточные. Были среди них и те, кто безоговорочно чувствовал себя на своем месте: *«Мне нравится это село, я никуда не уеду отсюда. В Астану, никуда не уеду!»* (Женщина, южное село, 45 лет). Нам было важно понять, что же удерживает в одном месте стольких людей, которых тянет в другие села, города и страны, а что все-таки позволяет им туда уехать? Мы замечали, что лишь немногие были привязаны к месту через участки, дома или квартиры.

Мы отчетливо видели, что дом — это очень подвижная и эмоциональная категория. Пространство же оказалось лишь одним из многих аспектов, которые создают *чувство дома*. Куда важнее были многочисленные связи — социальные, экономические, культурные, — которые места породили между людьми. Люди же в ответ привязывались к этим местам. В этом многообразии нашей целью было выявить устойчивые категории — метафоры, которыми люди описывали дом и отношения домашности, способ взаимодействия с домашними и внешними или чужаками, а также те образы, которые оставались устойчивыми, несмотря на изменения стиля жизни, места проживания или сети отношений.

Таким образом, мы хотели исследовать проблему миграции не сквозь призму статистики или количественных данных, которые лишь позволяют фиксировать происходящие процессы, а посмотреть глубже, на основу тех отношений, которые делают возможной миграцию, позволяют людям при этом сохранять свою идентичность, но при этом значительно трансформируют структуру пространственных отношений.

Фото: Ален Ли.
Некогда функционировавшее кафе/пекарня в Вознесенке

Методология исследования

Данная статья представляет часть большего исследования *лаборатории «Дома лучше»*, которая затрагивала проблемы мобильности и домашности. В рамках лаборатории были исследованы четыре разных населенных пункта два города, два села. Различение между населенными пунктами происходило следующим образом: крупный/небольшой город, благоустроенное/неблагоустроенное село. Лаборатория «Дома лучше» стартовала с обсуждения проблемы восприятия дома жителями деревни, города или мигрантами, кочующими между разными точками на карте. Центральным лейтмотивом стал незамысловатый на первый взгляд вопрос: «*Что такое дом?*». Мы пытались задавать его нашим респондентам на улице и обсуждали между собой, но он не приводил нас к достойным выводам. На время мы даже оставили этот вопрос в сторону, но когда вернулись к групповой работе по следам экспедиции, он возник сам собой и помог собрать большинство данных воедино.

Чтобы посмотреть, как возникает мобильность, и миграция в рамках данной статьи мы рассмотрим только села, которые находятся территориально недалеко друг от друга, в северной части Казахстана. Села для нас важны не только как репрезентация определенных географических территорий, но и как образы и воспоминания среди тех, кто живет там сейчас или давно уехал, кто тоскует по родному дому. Как и многие другие, исследуемые села страдают от урбанизации и оттока жителей. Мы же смотрим, какими связями эти села по-прежнему притягивают и удерживают людей, а какие связи рушатся и вынуждают их покинуть дом. Связи между людьми, которые порождает место, влияют и часто определяют их групповую идентичность. Каждый погружен в социальные институты, через которые он проявляет себя как члена общества: через семью, работу, образование, веру, национальность, гражданство и так далее. Чувство групповой идентичности тянет человека туда, где он может ее реализовать: набожному католику будет сложно обрести дом в мусульманском обществе, а моряку реализовать себя среди пустыни. Опираясь на нашу идею о доме как сети связей, можно сказать, что чувство дома является неотъемлемой чертой любого человека. А если так, то по-настоящему бездомных, вероятно, не существует вовсе. Бездомный в этом понимании — это абстрактный антропологический тип человека, ведущего *прекарный* образ жизни и не обремененного никакими устойчивыми связями; образ современного кочевника, который непрерывно мигрирует между людьми, местами и сферами труда.

В основу исследования лег метод этнографических интервью (*Рогозин, 2018; Spradley, 2016*), где были определены лишь основные направления

разговора: обсуждения дома, связей, отношения с семьей, с селом, отношения между домом и работой, наличие или отсутствие досуга. Мы общались с прохожими, заставляли людей на рабочем месте, иногда приглашались в гости и задавали им простые вопросы: о семье, работе, своем селе или городе, воспоминаниях или планах. Было важно добиться неформального и бытового разговора, который может случиться при взаимном доверии. Поэтому мы не пользовались анкетами или составленными заранее вопросами. От участников группы требовалось просто находиться внутри диалога как можно дольше, внимательно слушать собеседника и задавать ему вопросы только когда это уместно. В целом нас интересовало, как жители теряют связи с местом, а их групповая идентичность рушится. Несмотря на то, что наши собеседники не покинули эти села, многие из них, тем не менее, приобретают все больше черт неприкаянного современного кочевника.

Все географические названия в статье анонимизированы, поскольку гипотеза исследования в том, что наблюдаемые явления показывают контрастные сценарии изменений в селах и изменения понятия дома (такая практика есть в этнографии, например, см. *Уорнер, 2000*). В результате рассмотрения двух контрастных примеров можно предположить, что другие примеры будут являться их промежуточными версиями и могут быть описаны в рамках той же системы понятий. В целях различения далее села будут именоваться *село Северное* и *село Южное*, по географическому расположению друг относительно друга. Всего было собрано 22 интервью в Северном селе и 25 интервью в Южном селе. Респондентами были люди различного рода занятий, социального и финансового статуса. Интервью длились от 20 минут до 1,5 часа, иногда происходили коллективно, с участием семьи или собеседников. Кодирование интервью по принципу выстраивания разных описаний слова *дом* и выстраивания вокруг него *сети связей* — как социальных (с членами семьи, села, властями), так и материальных, затрагивающих инфраструктуру, здания, территорию и ее природные особенности. После чего для разных акторов сравнивались полученные сети и описания дома и выявлялись уже общие черты для разных способов определения.

Образ Дома — меняющегося или неизменного — задает напряжение между двумя полюсами: селом и городом. Почему одни люди остаются, а другие переезжают? Как снизить напряжение между полюсами, укрепить их взаимосвязь и избавиться от стереотипов о «городских» и «деревенских»? Почему социальные и инфраструктурные проекты в деревнях часто неэффективны и как благополучные села добиваются успеха? Мы изучали, как быт сельских жителей, их взгляды на окружающую действительность и свое место в ней отличаются от городских. Далее будут описа-

ны основные выводы с опорой на ключевое определения «*дома как хозяйства*». Несмотря на достаточное количество интервью, исследование не претендует на окончательные выводы, в нем скорее описываются гипотезы, которые могут быть полезны, как для анализа сельской ситуации, так и разработки более продуманной агломерационной политики.

Село и бизнес: два способа вести хозяйство

Два рассматриваемых села располагаются недалеко друг от друга — по прямой между ними не более 25 км. Жители этих территорий — это преимущественно этнические русские или немцы, многие из которых оказались здесь в результате массовой депортации советских немцев в страну в первой половине XX века. Когда-то оба села процветали за счет сельского хозяйства и местных производств, но сейчас оба села мало похожи на знакомый каждому идиллический образ.

Северное село

Северное село не может оправиться от разрухи, в которую поверг его местный агрохолдинг: многочисленные производства и богатая инфраструктура были уничтожены. Село имело инфраструктуру районного центра, которая со временем либо закрылась, либо пришла в упадок: *«Здесь и кирпичный был завод, здесь мельницы, и школы на той стороне, там дети учились. Что тут у нас еще? Да все было! Мы раньше в те годы — 90-е — мы лучше жили чем сейчас... У нас такой клуб, ДК огромный был! Там торговый центр стоит, его тоже весь развалили. Это такие все здания были!.. Конторы здесь у нас были, детские сады. Сейчас детского сада у нас нету, мини-центр в школе»* (Женщина, южное село, 45 лет). По словам местных жителей, с появлением частных предприятий с одним из ТОО был заключен неформальное соглашение, которое не было закреплено юридически, о поддержке села взамен на право пользования пашнями возле него. В результате ТОО контролирует подавляющую территорию вокруг села и никак не считается с местным населением: они выдают им зерно неудовлетворительного качества в том размере, который сочтут нужным и если житель лично не явится на выдачу паев в назначенное время, то может его уже не получить. В наших интервью мы неоднократно сталкивались с тем, что собеседники слабо понимают, как управляется их село, какие права собственности они имеют: *«По четыре мешка зерна дают, а работают на нашей [земле]... Они как эту землю забрали, теперь говорят у вас вообще земли нету: «Вы ее не переоформляли!»*. Ну надо было людям тогда

сказать. Почему людям никто не говорил?.. Теперь у людей нет земли. Говорят: «У вас нету, все! Мы вам, хотим — дадим мешок, хотим — мы вам ничего не дадим». И все!» (Мужчина, южное село, ~50 лет). Таким образом, сельский аким оказывается беспомощным и никак не контролирует поступление ресурсов в село.

Из-за отсутствия финансирования инфраструктура села стала разваливаться. Село делит река на две части — старую, которую называют Черниговкой, и новую — Берлин. Значительная часть наших собеседников переехала из старой части села, когда та стала приходить в упадок: «Большинство сюда перебрались. Там воды нет на той половине... Там раньше было, но как прошла вся эта разруха... Та сторона быстрее разрушилась. Там раньше школа была, там торговый центр, детский садик, даже памятник скорбящей матери стоял на стороне — его перенесли сюда». 46 На той стороне все еще живут люди, но их условиям удивляются даже в новой части села: «Там много пьют люди, которые такой образ жизни [ведут]. Много женщин, которые пьют. Но они раньше все хорошие были, а сейчас какие стали, да? Водка что делает! Работы нету, ничего нету... Это как к неграм пошел. Вот это, есть же район бандитов такой?» (Мужчина, северное село, 40 лет).

С развалом инфраструктуры местные жители утратили привычный уклад жизни и социальные связи, которые прежде они поддерживали на работе или в местах досуга, которых теперь в селе нет. Люди были вынуждены искать иные способы заработка, ведения хозяйства, досуга и существования в целом. Это вело их либо к отъезду из села, либо к решительной трансформации своих быта и привычек в селе. У каждого была собственная стратегия адаптации к новой жизни, и это повлияло на атомизацию в селе: «Ну да, раньше соседи как? У нас, не дай бог, чего случится — все бегут, все помогают. А сейчас нет, каждый в себе» (Женщина, южное село, 45 лет).

Опыт опрошенных жителей в северном селе подтверждает предположение о трансформации сельского рынка труда. Как показывают статистические данные 61, убыточность подсобного хозяйства — распространенная проблема в Казахстане. В селах подобных Северному широко распространена неполная занятость, а уровень доходов, как правило, низкий. Доступ к социальной защите чрезвычайно ограничен. Недостаток управления и его неформальность увеличивают уязвимость жителей села и уменьшают шансы на соблюдение и реализацию собственных прав. В силу своей незащищенности и неорганизованности сельские работники практически не могут сделать так, чтобы их голос был услышан в вопросах развития сельской местности или социально-экономического развития в целом: «Здесь, например, в деревне работы нет. У нас работает

акимат, работает больница там, в которой никогда и никого не найдешь, потому что постоянно на месте нет. А если где-то и заболел, то сразу отправляют в [город]. И вот школа. Все» (Женщина, северное село, 40 лет). Получается, что село теряет свои некогда отличительные преимущества и все больше походит на спальный район — придаток к тем территориям, где есть работа.

Южное село

Южное село показалось нам образцовой современной деревней, где недавно провели воду и сделали дороги, хотя местная молодежь по-прежнему предпочитает город. В начале 2000-х в селе появилось ТОО, занимающееся выращиванием сельскохозяйственных культур и разведением пород КРС. ТОО стало системообразующим предприятием, фактически, монополистом в селе: оно инвестирует в село и эти инвестиционные субсидии входят в топ одних из самых успешных в Казахстане. В результате, если в конце 2000 х в селе проживало менее 1000 человек и шла убыль населения, то спустя десять лет в селе было трудоустроено порядка 1000 человек. Директор ТОО рассказал нам, каких успехов получается достичь каждый год, какие инновации появляются на производстве, особенно он отметил уровень жизни и завидное положение односельчан после появления ТОО: *«тут деревня тоже была вся разбитая, дорог не было, люди жили как попало, зарплат не платили. Когда компания подошла, (...) и вот они создали эту деревню, щас она считается одна из лучших деревень» (Мужчина, северное село, 50 лет).*

Присутствие в селе эффективной фирмы показывает, как меняется характер хозяйства в рыночных условиях — из способа личного самообеспечения продуктами он часто превращается в сложное бизнес начинание, с которым не каждому получится совладать самостоятельно: *«Сегодня в обиходе сельчан все чаще звучат слова: «современный», «эффективные технологии», «инновации», «инвестиции», «предпринимательство» и т. д. И это не дань моде, а реальность, показатель возрастающей силы всех сфер жизнедеятельности, наш казахстанский образ жизни»* — пишет местная газета в преддверии праздника 25-летия Независимости Казахстана. Одно из впечатлений, которое производят разговоры с местными жителями и руководством — это яркое желание каждого воспроизвести тот самый образ светлого социалистического будущего. Складывается этот нарратив последовательно, подпитываясь визуальными образами и идеями жителей. Памятник Ленину на детской площадке, типовые дома, но самое любопытное — разговоры местных жителей об успехе локальных производственных цепочек, конкурентных с городом зарплатах, и, что особенно бросается в глаза, «равенстве». Между руководством и селя-

нами здесь сложились неформальные отношения, которым бы позавидовали жители северного села.

По всей видимости, эффективность в селе достигается дисциплиной: один из повторяющихся паттернов в разговорах с местными — это сильная загруженность на работе и почти полное отсутствие времени на какой-либо досуг. Один из показательных диалогов в южном селе: *«У нас выходных нету. Без выходных работаем. И в воскресенье, понедельник, и в субботу, у нас выходных нету»*. Также руководство предприятия часто прибегает к серьезным штрафам: *«Да, мы чай попили, он 25 процентов зарплаты лишил, потому что мы нельзя на рабочем месте чай пить. По 100 тысяч у нас сняли с работы. Обед есть, но мы же до 9 работаем, а получается с 3-х до 9 все равно же кушать охота. И вот шлепнул нам 25 процентов»* (Женщина, северное село, 50 лет). По мере того, как характер труда усложняется, работа создает все больше забот и занимает всю большую часть времени сельчан. Многим приходится совмещать разные способы труда и работать без выходных, что лишает их досуга.

Дисциплина выражается и в «отсутствии алкоголизма» и методах борьбы с ним. В ходе презентации достижений села работница ДК рассказала, что в селе нет алкоголиков. Как так вышло, что магазины с алкоголем есть, а алкоголиков нет? Мы получили ответ: *«Полицейский вывозит нарушителей общественного порядка на полгода из села, а по возвращении люди либо уезжают, либо перестают пить»*. Важно заметить, что одно из наших интервью должно было пройти в магазине, но наш потенциальный респондент — продавщица, постоянно отвлекалась от диалога, чтобы продавать водку жителям села, где алкоголизма нет. Интересным нам показался другой факт, покупатели не просто брали водку и уходили, перед выходом из магазина они прятали ее за пазухой, а после шли как ни в чем не бывало. Таким образом формируется еще одна плоскость отношений жителей с властью — стремление вторых контролировать первых даже на физическом уровне.

Инфраструктура в южном селе развивается, и жители этим охотно хвастаются: *«Многое поменялось: водопровод провели, асфальт положили, посадили деревья! Один из самых ухоженный поселков у нас»* (Женщина, южное село 50 лет). Здесь, безусловно, есть хозяин, которого так не хватает жителям северного села, и это не аким, а руководитель местной фирмы: *«А в этом году не знаем, чего будет. Каждый год все новое. Директор новый — новые законы будут. Со слов наших собеседников складывается впечатление, что решающую роль и здесь играют именно неформальные связи с руководством фирмы: «если я [к директору ТОО] обращусь, скажу хочу отдельно это все. Я не сомневаюсь, что он предоставит квартиру. Я смотрю, у нас квартиры очень подорожали в селе»* (Женщина, южное село

50 лет). Кажется, что именно частный бизнес в селе является проводником социальных изменений, однако схема принятия решений остается непрозрачной и не подотчетной никому, так как основывается на частном интересе корпорации. В то же время те изменения, которые вносит в жизнь села ТОО позволяют сохранить сельской жизни и уклад, отличный от городского.

Хозяева, хозяйство и связи

Повлиять на проблемы села могут несколько акторов: местный и районные акимы, либо ТОО, которое работает на этой земле. Связи с этими акторами часто оказываются неформальными и именно неформальные связи будут наиболее действенными. Школа — четвертая власть, вместе с акиматом, полицией и агрохолдингами. В отличие от них, начальное образование является устойчивым каналом связи между селом и внешним миром. Каналом двусторонним, в отличие от других, по которым распо-

Фото: Теодор Фрост.
Коровы в Вознесенке

ряжения спускаются от внешней власти до села, изменяясь от передающих посредников.

Жители северного села сравнивают его с необитаемым островом и возмущаются, что власти о них давно забыли. В селе даже есть группа инициативных жителей, но их жалобы в органы власти не помогают изменить положение. Работа в соседних селах и городах отрывает жителей от собственного села и не позволяет им глубоко вовлекаться в его проблемы. Это усугубляет атомизацию между жителями северного села: если даже члены семьи видят друг друга не часто, то соседи еще реже. Развал инфраструктуры в северном селе повлек за собой глобальное изменение жизненного уклада и лишил сельчан не только бытового комфорта и рабочих мест, но и многочисленных связей между друг другом, домом и возможностями влиять на него. На сегодняшний день большинство жителей не связаны с селом ни экономически, ни политически. Более того, у них нет даже юридической связи с окружающей их землей, которая находится под управлением фирмы. Мы видим, что социальную разобщенность и ориентацию исключительно на собственные интересы и потребности, которые приводят к утрате социальных связей и еще большему разобщению даже в тех случаях, когда поддержание связей является жизненно необходимой потребностью для сельских жителей: *«А ты говоришь, помогать друг другу... Тут не хотят люди друг друга видеть: «Вот подальше бы от тебя, от твоих проблем — своих хватает!»*.

Семья

В условиях слабых социальных связей между соседями, отсутствии коммуникации с властью и хозяином фирмы, именно семья становится последним источником поддержки: *«Я и говорю, что там немцы [родственники из Германиш] помогли. А то бы мы и ремонт не сделали, если бы они не помогли нам»* (Женщина, северное село, ~50 лет). Поддерживать семейные связи внутри села тоже не просто. Вахтовый метод работы выключает членов семьи на дни, а иногда недели подряд: *«Мы живем, мужиков мы наших практически не видим... Они на заработках»* (Женщина, южное село, 40 лет). Большинство местных работает в других населенных пунктах на постоянной основе или вахтами: *«У нас полдеревни работает вахтами. Потому что тут негде работать... Кто где... А семья не видит никого, ничего дома. Вот как вот жить в деревне? Поэтому деревни и вымирают»* (Мужчина, северное село, 50 лет). Работа в соседних селах и городах отрывает жителей от собственного села и не позволяет им глубоко вовлекаться в

его проблемы. Это усугубляет атомизацию между жителями Вознесенки: если даже члены семьи видят друг друга не часто, то соседи еще реже.

В этом контексте особенно символично, что в селе был закрыт дворец бракосочетания, который раньше располагался в доме культуры. Теперь местные жители буквально не могут создать семью в своем селе. Связи внутри семьи становятся слабее: у родственников нет ни времени, ни возможности для совместного досуга, их коммуникация становится непостоянной и удаленной в пространстве. Самый простой способ восстановить эти связи — уехать из села. Многие родственники жителей северного села уезжают в другие города и страны, и часто это ощутимо влияет на привязанность к селу. В особенности, когда речь идет о выросших детях.

Безопасность детей, которая для многих родителей является аргументом против жизни в городе, обретает иной смысл, если учесть высокую загруженность родителей: *«Да, они приезжают ко мне, я на работе, они сами по себе, вот сноха и сын с дитями приезжают, они вот дома. Я им оставляю все что надо им, вместе. А так я целый день работаю, прихожу...»* (Женщина, южное село, 60 лет). Среди наших респондентов даже прозвучала реплика: *«Чем дальше, тем роднее»* (Женщина, северное село, 45 лет): иногда с родственниками за рубежом удастся поддерживать более теплые отношения, чем с семьями братьев и сестер внутри северного села.

Среди старшего поколения же связь со своими родственниками носит иной характер, и часто именно она привязывает их к селу. Особенно тесную связь создают похороненные на своей земле родные: *«...В 59-м году у меня брат погиб, и мама не смогла уехать от могилы»* (Женщина, северное село, 45 лет). Или, наоборот, наконец позволяют себе уехать, потому что человек, который удерживал на этом месте, умер: *«У меня в Татарстане есть, в Казани, у меня братья есть, сестры, все там. Только я одна тут, в Казахстане, осталась. Все туда уехали, все там у меня, в Казани... В 93-м у меня мама умерла, и вот они после этого все уехали, в 94-м. Начало 94-го, все уехали. И братик, и сестра»* (Женщина, южное село, 60 лет).

Для тех, кто ведет хозяйство, скот оказывается одним из важнейший якорей, привязывающих их к селу: *«У нас крупный рогатый скот, птица. Все бросить, сесть и поехать? На кого? Опять, на кого я все ставлю. Это же не как, знаешь, это сел и поехал. Во-первых, это животное. Его надо накормить, напоить. Ты не бросишь. Ты привязана. Если ты в деревне живешь и держишь скот, птицу, ты уже привязана, ты уже никуда, не по пути...»* (Мужчина, северное село, 50 лет). Однако выращиванием скота занимаются немногие, так как товары в местных магазинах составляют внушительную конкуренцию сельскохозяйственной продукции, которую здесь производить убыточно: *«Мне его [мясо] проще купить, чем вот [за-*

водить скот]. Потому что муж тоже работает, зарплата маленькая. И тем более сейчас сын тоже дома живет, учится. Ну, проще его купить. Это выгоднее купить, чем кормить. Потому что ты его выкормишь, еще неизвестно, сдашь ты его на эту сумму или нет» (Женщина, северное село, 45 лет).

Фото: Теодор Фрост.
Школа в Вознесенке

Школа

Среди детей и молодежи в селе связи с селом прочны. Их объединяет общий досуг, который могут позволить себе немногие взрослые в северном селе: *«Если сами себе организуем вечерок, шашлыка сделать и всего лишь»* (Женщина и мужчина, северное село, ~50 лет). Среди мест для совместного времяпрепровождения у детей есть улица, природа, детская площадка, торговый центр и футбольное поле. Самым же важным пространством для взаимодействия детей остается школа, где они формируют крепкие социальные связи, которые в будущем нередко становятся стимулом к

переезду из села. Наши собеседники старшего поколения не беспокоятся за безопасность детей в деревне и предоставляют им много свободы.

К возрасту 16-18 молодые сталкиваются с первой возможностью покинуть село и отправиться учиться в другое место. Они встают перед выбором: остаться в северном селе, где связям свойственно исчезать или уехать туда, где их можно наращивать. Отрыв от семьи не воспринимается как болезненный, и, возможно, поэтому большинство подростков предпочитают уехать: *«Это раньше, может быть, боялись от мамы с папой оторваться, ехать в город один. А сейчас нет»* (Женщина, южное село, 20 лет). Так они создают для своих родителей еще одну сильную связь за пределами их собственной деревни — семейную.

Поток людей, выдавливаемых образованием во внешний мир не является односторонним. В отличие от вахтовых, схлопывающихся и вымирающих поселений, где миграция существует исключительно в одностороннем направлении, ученики стараются уехать в любом направлении. В сельские школы Казахстана приезжают молодые учителя, спонсируемые за счет программ республиканской поддержки. Эти ребята не сильно старше школьников, являются в большинстве своем вчерашними выпускниками программ бакалавриата. Сельское преподавание представляется *«легкой прогулкой»* и потому, что туда готовы отправлять выпускников бакалавриата — молодых, зачастую неподготовленных специалистов, которые если и сталкивались с преподаванием, то в рамках образовательной практики, которая зачастую является формальностью. Но с точки зрения преподавания — это наиболее тяжелая позиция по двум причинам: ритм жизни деревни и состав учеников. В деревне практически не существует досуга, как полноценной части дня, культурная среда схлопнулась до дискотеки, утренников в доме культуры или интернета. Время течет медленнее и принципиально иначе.

Антропологические исследования, проведенные на материалах деревень и вахтовых городов демонстрируют, что попадающий в подобную среду горожанин начинает испытывать серьезный психологический дискомфорт: человека ломает новый уклад жизни и ситуация безвременья, внутри которой не существует плотного сообщества (состоящего из таких же мигрантов) вокруг и устойчивого «общего дела»: *«У нас тут учителя с Астаны приезжали. Ну, этот, Серик тогда с Астаны приехал. Помнишь, завучем когда был, хорошие такие? Она в каблуках пошла за водой!.. А она не знала, как печку топить. Она уголь засыпала и сверху спички кидала...»* (Женщина, северное село, 40 лет).

Учитывая минимальные затраты и высокий доход, сельский учитель может накопить на квартиру в столичном городе за время отработки гранта, что подталкивает людей к рациональной стратегии по глубокой

экономии и минимальным затратам собственных усилий, вкладываемых в качество образования.

В текущей ситуации сельские школы, которые могли бы быть двусторонним каналом миграции между городом и деревней, скорее работают в обратной логике, превращая деревни из места для жизни, в пространство «долгой вахты».

Экстренные ситуации и дисциплина

Единственная ситуация, когда близкие связи активизируются — это ситуация смертельной угрозы. В такие моменты и человек, нуждающийся в медицинской помощи, и пациенты, и медицинский персонал оказываются слишком близки к столкновению со смертью: *«Вот у меня жена: мы поехали в [город], потом в [районный центр], туда-сюда. А там по женской части ей говорят: «Так эту операцию вам по ходу в [городской больнице] могут сделать». Мы приезжаем в [город] — [городская больница] отфутболивает нас... Проходит какое-то время, и как-то ближе к вечеру она говорит: «Что-то мне плохо». Я звоню, говорю: «Прилетай сюда быстрее», а у меня машина тогда была то ли сломана, то ли чего. Сразу ей позвонил — врачу нашей — она на скорой прилетела тут же, говорит: «Сейчас поедем на скорой». Я говорю: «Да [знаю] я эти ваши УАЗики! У нее там сейчас может что-то порваться или что там». Ее в итоге в легковую посадили, увезли. Что ты думаешь? Ей операцию в [городской больнице] сделали! Без анализов и [без всего]. Вот. Когда уже все! Когда уже человек может умереть! Ну почему так?!» (Мужчина, северное село, 47 лет).* Мы наблюдаем страшную картину, когда, в сельской местности отсутствует не только профилактическая медицина, но и лечение по поставленному диагнозу. Реакция на просьбы о помощи происходит только когда пациент находится на грани смерти.

Более крепкие близкие связи устанавливаются при наличии жесткой дисциплины, как в южном селе. Местным жителям также не удается самостоятельно создать прочные эмоциональные связи со своими деревнями посредством коллективных или индивидуальных решений, потому что все рычаги влияния на село находятся в руках фирмы. Сельчане зависят от «хорошего хозяина», от того, будет ли он справедлив, предоставит ли он рабочие места, поможет ли заполучить квартиру. Однако они совершенно не зависят друг от друга. В рамках рыночной экономики вернуть прежние связи теми же — административными — способами не выходит: отремонтировать дорогу, провести воду и предоставить работу те-

перь уже недостаточно, ведь это не ведет к созданию связей между людьми и наращиванию их социального капитала. Тем не менее общая работа дает возможность встраиваться в это сообщество: *«Нравится здесь. Я как будто здесь и жил, знаете. Даже друзья говорят: «Да ты уже местный!»... Если я уеду, то другой уедет, третий уедет. Деревни не будет. Надо сохранить»* (Мужчина, южное село, 35 лет).

Дом и связи — сильные/слабые, далекие/близкие

Понятие *дома* в двух селах зависит от устанавливаемых связей, от времени, проведенного вместе, от возможности помогать друг другу. Парадоксальным образом, наиболее устойчивыми оказываются далекие связи с уехавшими родственниками, со знакомыми в городе, в то же время, чтобы создать сильные связи в селе необходимо прикладывать дополнительные усилия: либо через строгую дисциплину, либо через плотные и частые способы совместного проведения времени.

На устойчивость связей может влиять не только редкость взаимодействий. Более существенным представляется значимость тех или иных отношений, которая создается общим наследием, которое разделяют люди, которые могут быть разделены значительными расстояниями. Эти связи создаются либо совместно проживаемым временем — общими занятиями, трудом, досугом, либо общим прошлым и воспоминаниями, которые воплощаются в семейных связях. Можно предположить, что эти два типа общего времени отличаются друг от друга: общее время, проживаемое в настоящем является лишь основанием, опорой для формирования связей. Когда общий опыт и прожитое настоящее превращаются в прошедшее, в источник воспоминаний, они становятся основой для выстраивания связей и испытания их силы на расстоянии.

В противоположность связям между людьми, которые строятся на основании прошлого или совместного опыта, связи, которые возникают в настоящем между людьми и организациями, менее устойчивы. Чтобы их поддерживать необходимы дополнительные усилия, в виде дополнительного контроля или возможностей получить дополнительные бонусы. Получается, что экономические связи оказываются неустойчивыми и их необходимо поддерживать системой сдержек и противовесов, которые стабилизируют их, однако эта стабилизация оказывается временной.

Наконец, наиболее устойчивыми оказываются связи, которые основаны на связи с животными или материальными объектами — объектами инфраструктуры, земель. Эти отношения кажутся наиболее естествен-

ными для села, однако именно они оказываются наименее значимыми в обоих рассмотренных нами кейсах. Причины могут быть разными — затраты на содержание скота, заброшенность инфраструктуры или отсутствие доступа к управлению ей, отсутствие доступа к земле. Отсутствие доступа к управлению инфраструктурой и к земле создают как раз новые акторы — крупные фирмы, которые либо просто забирают в использование всю землю, либо становятся брокерами-посредниками, которые контролируют доступ к земле и работу с ней.

Таким образом, получается, что ощущение дома строится на основании двух типов связей — общих воспоминаниях и связях с материальными объектами, в особенности с землей. Эти два типа связей могут работать на контрасте: первые испытываются временем и расстоянием и могут укрепляться, вторые — близкие, но более хрупкие и зависят от возможности непосредственного доступа к объектам. Близкие связи испытываются не расстоянием, а наличием посредников в виде властей и крупных фирм, которые создают то, что можно было бы назвать *социальной дистанцией* и которая, в отличие от дистанции временной или пространственной, не укрепляет связи, а разделяет их и делает подконтрольными.

В результате можно сказать, что домашние связи, которые связаны с устойчивыми отношениями и ощущением дома основываются на том, что они остаются «непосредственными» и прямыми, то есть, в них нет социальной дистанции между акторами, а только материальная. Тогда идея дома оказывается где-то (по силе связей) между восприятием самого себя и своей собственности: это расширенный доступ к объектам и общему опыту или воспоминаниям, но обязательно непосредственный, который не может передаваться. Такое отношение к дому отражено в исследованиях того, как конструируется представление о собственности как о «своем» в процессе изменений и взаимодействий (*Riles, 2004; Blomey, 2013*).

Этот вывод, конечно, нельзя считать окончательным, он сделан на примере ограниченного анализа двух кейсов, которые могут значительно отличаться от других кейсов развития сел в Казахстане. Тем не менее, предложенная модель описания дома и домашних связей дает измеримые способы анализа социальных отношений в селе и их зависимости от тех иных программ развития сел: создания общественных пространств, которые могут в большей или меньшей степени контролироваться жителями, создания дополнительных активностей, развитие инвестиционного климата в селах. Эти меры будут активизировать различные аспекты взаимодействия жителей с крупными владельцами земли и выстраивание сети общих социальных связей, поэтому особенно важно выяснить, как они будут балансировать друг друга в каждой ситуации.

Таким образом, дом уже не просто набор материальных характеристик, он не зависит только от степени комфортности среды, но также того, каким образом устроено взаимодействие сейчас и как оно было устроено в прошлом. Тем самым, дом образуется ядрами взаимодействия различных пространственных, временных и социальных сетей, даже в ситуации, когда само это взаимодействие оказывается сложным и распределенным. Сетевое определение дома, когда он зависит не только от наличия или отсутствия связей и способов их поддержания, предлагает более гибкую перспективу для оценки того, как возникает миграция и какие факторы на нее влияют.

Дом — это больше чем собственность, он является расширением своего личного пространства, однако это расширение может быть не закреплено юридически, что делает их более неустойчивыми. Это в свою очередь не означает само по себе возможности миграции, поскольку на следующем этапе возникает вопрос о том, есть ли устойчивые связи вне села и если есть, то как они готовы помогать — поддерживать удаленно или способствовать переезду. Сочетание этих факторов показывает насколько точечными должны быть меры миграционного регулирования и политики, чтобы достигать поставленных целей. Ни простое благоустройство села, ни даже привлечение инвесторов для реконструкции объектов инфраструктуры не работает прямым образом, поскольку основной вопрос — кто и каким образом координирует отношения в селе и поддерживает их устойчивость. На примере двух сел, можно наблюдать, что и отсутствие, и наличие «хозяина», и организация или отсутствие хозяйства, могут, как способствовать миграции, так и сдерживать ее. Тем не менее, данный краткий обзор позволяет выдвинуть гипотезы о сценариях удержания жителей в селе или их отъезда. Которые, в дальнейшем, необходимо проверять на более обширной качественной и количественной выборке для различных типов сел.

Библиография / References

Бюро национальной статистики. (2024). Естественное движение населения Республики Казахстан (январь-декабрь 2023 г.). *Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/117678/>. Дата доступа 11.02.2024.

— Byuro natsional'noy statistiki. (2024). Estestvennoe dvizhenie naseleniya Respubliki Kazakhstan (yanvar'-dekabr' 2023g.). *Agentstvo po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan*. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/117678/> Data dostupa 11.02.2024. — in Russ.

Махмутова, Меруерт. (2013). Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г. Алматы. *Алматы: Центр анализа общественных проблем*.

— Makhmutova, Meruert. (2013). Vnutrennyaya migratsiya molodezhi v Kazakhstane: na primere g. Almaty. *Almaty: Tsentr analiza obshchestvennykh problem*. — in Russ.

Рогозин, Дмитрий. (2018). *Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации. Интеракция. Интервью. Интерпретация*, (16), 26-49.

— Rogozin, Dmitry. (2018). Etnograficheskoe interv'yu: nauchnaya p'esa v dvukh deystviyakh i sposob ee interpretatsii. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, (16), 26-49. — in Russ.

Уорнер, Уильям. (2000). *Живые и мертвые*. М.-СПб: *Университетская книга*. — Warner, William. (2000). *Zhivye i mertvye*. М.-SPb: *Universitetskaya kniga*. — in Russ.

Ahmed, Sara. (1999). *Home and away: Narratives of migration and estrangement*. *International Journal of Cultural Studies*, 2(3), 329-347.

Bissenova, Alima. (2017). *The fortress and the frontier: Mobility, culture, and class in Almaty and Astana*. *Europe-Asia Studies*, 69(4), 642-667.

Blomley, Nicholas. (2013). *Performing property: Making the world*. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 26(1), 23-48.

Brickell, Katherine. (2011). “Mapping” and “doing” critical geographies of home. *Progress in Human Geography*, 36(2), 225-244. <https://doi.org/10.1177/0309132511418708>.

Chan, Ho Fai and Ahmed Skali, David A. Savage, David Stadelmann, Benno Torgler (2020). Risk attitudes and human mobility during the COVID-19 pandemic. *Scientific Reports*, 10(1), 19931.

Dulambaeva, Raushan and Serik Jumabayev, Taiysiya Marmontova, Assel Zhunussova (2022). COVID-19 in transport industry: The case of Kazakhstan: Government measures and public reaction. *Transportation Research Procedia*, 63, 1377-1388.

Riles, Annelise (2004). Property as legal knowledge: Means and ends. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 10(4), 775-795.

Spradley, James (2016). *The ethnographic interview*. Long Grove: Waveland Press.

Sturm, Tristram and Julien Mercille, Tom Albrecht, Jennifer Cole, Klaus Dodds, Andrew Longhurst (2021). Interventions in critical health geopolitics: Borders, rights, and conspiracies in the COVID-19 pandemic. *Political Geography*, 91, 102445. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102445>